

ЮНОСТЬ

8

1975

С самого начала споров коммунистов с маоистами у многих советских людей возникал недоуменный вопрос: почему, собственно, маоистский Китай, для которого Советский Союз сделал так бесконечно много и бескорыстным другом которого он хотел оставаться и впредь, повернулся против СССР?

Что сделало Мао Цзэ-дуна антисоветским человеком?

Вопрос этот можно часто слышать у нас и сейчас.

Ясный ответ на него дает недавно вышедшая книга Отто Брауна «Китайские записки». Вероятно, в последнее время оставалось уже очень немного людей, которые, основываясь на личном опыте, могли ответить на все это с таким знанием дела, как Браун. Так же, как П. Владимиров, о книге которого «Особый район Китая» я недавно писал на этих страницах, Браун видел все своими глазами, но увидеть это ему довелось на 10 лет раньше, еще с 1932 года, когда все только начиналось. Браун знал скрытую, закулисную сторону того, чем уже во время второй мировой войны был поражен Владимиров. Обе книги дополняют друг друга.

Их авторы совершенно разные люди; разные по национальности, по своему жизненному пути, по темпераменту, по складу ума и манере писать. Владимиров — русский и журналист, Браун — немец и профессиональный революционер. Он был одним из тех старых немецких коммунистов, учеников Карла Либкнехта, Розы Люксембург и Вильгельма Пика, для которых, как для большевиков, дело революции было делом их жизни.

Еще в 1919 году, 19-летним юношей, Браун дрался на баррикадах Баварской Советской Республики в Мюнхене и потом участвовал в самых трудных конспиративных делах немецкой компартии. В 1928 году вся Германия была потрясена его сенсационным побегом из берлинской тюрьмы Моабит. Окончив Военную академию имени М. В. Фрунзе в Москве, Браун был послан Коминтерном в Китай в качестве военного советника при ЦК китайской компартии.

В Китае он провел всего 7 лет. Но что это были за годы! Браун рассказывает о них спокойно, даже сухо. Книгу Владимира можно сравнить с блестящим документальным фильмом. Браун перемежает свои воспоминания теоретическими отступлениями и

ПРИЧИНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

военно-географическими картами. И в том, что он делал и что делалось с ним, когда он находился при штабе Мао Цзэ-дуна, он видит только привычную для боевого коммуниста жизнь. Но и в его строгом рассказе ощущается драматизм истории.

Вот самое важное, что выясняется из книги Брауна. Начиная с 1936 года и даже еще раньше Мао Цзэ-дун делал все, чтобы втравить Советский Союз в войну с гоминьдановским Китаем и Японией: причем тогда, когда с запада уже готовился к нападению на СССР Гитлер.

Это как будто звучит дико. Между тем это бесспорный факт. Разгадка — в маоистской теории и практике «китаецентризма».

Когда в 1676 году русский посланник Спафарий прибыл в Пекин с целью завязать нормальные отношения между Россией и Китаем, китайские царедворцы потребовали, чтобы он совершил церемонию «кэау»: трижды стал

перед царствующим богдыханом на колени и, простершись ниц, бил лбом о пол. Объясняя это требование, придворный сановник Голай сказал Спафарию: «Не подивись, что у нас обычай таков, а своему государю скажи: как один бог есть на небе, так один бог наш земной стоит среди земель всех государей и окрест его все государства стоят. И та часть у нас не переменна была и вовек будет же».

Это было 300 лет назад. Мао Цзэ-дун живет в XX веке, называет себя марксистом и говорит не тем языком, каким говорили древние китайские феодалы. Но суть его политики, как это ни невероятно, та же, что у них. Идея китаецентризма преподносится Мао Цзэ-дуном под личиной теории о «перемещении центра мировой революции» с запада на восток, в частности же — из Советского Союза в Китай. Это, по его мнению, дает ему право в его собственных интересах ставить СССР под любую удар.

Мао Цзэ-дун считал, пишет Браун, «что центр мировой революции теперь переместился на Восток в Китай, подобно тому, как в 1917 году он переместился из Германии в Россию. Отсюда Мао Цзэ-дун делал вывод, что Советский Союз обязан любой ценой помочь революционному Китаю, не останавливаясь даже перед войной... Говоря словами китайской пословицы, Мао Цзэ-дун хотел, «сядя на холме, наблюдать битву двух тигров в долине», как поступали в отношении друг к другу древние китайские феодальные князья».

Что в то время означало это на практике? Браун, военный советник при руководстве китайской компартии, рассказывает об этом подробно. Он сообщает, что за несколько лет до второй мировой войны Мао Цзэ-дун выдвинул план похода находившейся тогда в провинции Шэньси китайской Красной Армии на север, чтобы через Монгольскую Народную Республику установить непосредственную связь с Советской Армией на Дальнем Востоке. Совершенно ясно, что это в конечном счете могло иметь только один результат: вовлечение Советского Союза в прямую войну сначала с гоминьдановским Китаем, а затем и с Японией. Такой поход, несомненно, дал бы Японии повод к нападению на МНР, с которой СССР был связан договором о взаимопомощи.

В этой связи особенно важно следующее обстоятельство. Свои планы о походе на север Мао Цзэ-дун выдвинул в 1936 году. Но именно в этом году милитаристская Япония позднее подписала так называемый «Антикоминтерновский пакт» — договор, фактически равносильный сделке о совместном нападении Германии и Японии в какой-то момент на СССР. Если бы план Мао Цзэ-дуна был осуществлен и на Дальнем Востоке вспыхнул серьезный — не только местный — советско-японский конфликт, включавший Китай, то Советский Союз был бы вынужден вести большую войну на два фронта!

Иначе говоря, Мао Цзэ-дун сознательно шел на то, чтобы Советская страна поставила на карту свое существование ради его планов. Это и был «китаеццентризм» в его современном выражении — по принципу «после нас хоть потоп».

То, о чем рассказывает Браун, — абсолютно достоверные факты. Их подтвердил не кто иной, как сам «кормчий». В интервью с американским журналистом Эдгаром Сноу в том же 1936 году он заявил, что действительно рассчитывал на вовлечение Советского Союза в войну с Японией, используя для этого позиции китайской Красной Армии в северо-западном Китае. Браун присутствовал на том совещании Политбюро ЦК китайской компартии, на котором Мао потребовал, чтобы эта армия через провинции Суйюань или Чахар прорвалась к границам МНР.

Такими делами Мао Цзэ-дун занимался три десятилетия назад. Понятно, что к марксизму это никакого отношения не имело. Речь шла о все том же унаследованном от богдыханов архиепископическом китаеццентризме, реставрированном на современный манер.

Браун рассказывает, что Мао Цзэ-дун любил цитировать высказывания китайских феодалов и полководцев, которым, как он заявлял, «стоит подражать». Он часто проводил параллели с фактами из истории китайской феодальной империи, стремясь особенно подчеркнуть роль, которую играли в ней «великие люди». Он не скрывал своего восхищения Цинь Ши-хуаном, первым императором династии Цинь, который более двух тысячелетий назад в кровавой 24-летней войне утвердил свою власть над всей страной, воздвиг, пожертвовав миллионами человеческих жизней, Великую стену и устроил беспрецедентное

тогда в истории сжигание книг. Мао восхвалял и Чингисхана.

Читая все это, многие не перестанут удивляться. Можно ли называть такого человека коммунистом? Или надо считать его просто безумцем?

Дело обстоит не так. Надо попытаться отыскать классовые корни явлений. Мао Цзэ-дун был и остался фанатичным мелкобуржуазным националистом; человеком, для которого идея коммунизма всего лишь маска. Все в мире, с его точки зрения, должно вращаться вокруг «его» Китая, все должно жертвоваться в угоду ему, царствующему в Китае «великому человеку». Вот почему Мао Цзэ-дун железом и кровью расправился с сотнями тысяч честных интернационалистов в рядах китайской компартии, выступивших против его мелкобуржуазного национализма. И вот почему он повернулся против СССР.

Книга Брауна полностью подтверждает выводы книги Владимиров. Не 10 и не 20 лет назад, а гораздо раньше, еще до второй мировой войны, начал Мао Цзэ-дун вести подпольную войну против Советского Союза. Многие из того, что кажется диким и странным в маоистской политике, после прочтения этих двух книг становятся не менее диким, но понятным. Причины предательства отчетливо выступают наружу.

Окончательное же подтверждение этих выводов — в том факте, что после второй мировой войны Мао Цзэ-дун занимается в точности тем же, чем занимался до нее: систематическими попытками вовлечь СССР в вооруженный конфликт с империалистическими державами. Сам он при этом рассчитывает остаться в стороне и на развалинах мировой цивилизации водрузить свое собственное знамя. Мы знаем, что в 50-х, 60-х и 70-х годах почти не проходило и года без таких попыток со стороны Пекина. Предпринимаются они и теперь.

В отличие от Владимиров Браун почти не касается личности Мао Цзэ-дуна. Старый немецкий коммунист, лично знавший руководителей леинского типа в германской компартии и в Коминтерне, говорит все время о чисто политических вопросах и как бы закрывает глаза на личные особенности нынешнего главы КПК. Но и он вынужден упомянуть о «двуличии» Мао Цзэ-дуна, о его «богдыханских замашках», о его стремлении быть «самодержцем».

Партия для Мао Цзэ-дуна не содружество революционеров-единомышленников, отдающих все для

идей, а некая частная собственность, царство, которое нужно захватить и покорить; покорить любой ценой, любыми способами. Отсюда — интрига за интригой, обман за обманом, массовые убийства коммунистов под видом «революционного террора», древний азиатский деспотизм под видом «китайского марксизма». Марксизм был и есть один — интернационалистский марксизм Маркса, Энгельса и Ленина.

Художественным блеском книга Брауна не отличается. Но и в его строго деловом повествовании как бы против воли автора встречаются захватывающие с литературной точки зрения страницы. Вот отрывок из его описания «Великого похода» китайской Красной Армии в середине 30-х годов, когда она прошла 10 тысяч километров, преодолела 10 горных цепей, 5 из которых были покрыты вечным льдом и снегом, и форсировала 24 большие реки.

«...Под обманчивым травянистым покровом скрывалось топкое черное болото. Оно сразу засасывало всякого, кто ступал на тонкую верхнюю корочку или сходил с узкой тропинки... Мы гиали перед собой местный скот или лошадей, которым инстинкт подсказывал безопасную дорогу. Почти над самой землей висели тучи. В течение дня по нескольку раз шел холодный дождь, а по ночам — мокрый снег или град. Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась безжизненная равнина, без единого деревца или кустика.

Мы спали скорчившись на болотных кочках, прикрывшись тонкими одеялами и нахлобучив соломенные шляпы... Часто по утрам кое-кто уже не вставал. Это была очередная жертва голода и истощения. А ведь стояла только середина августа! Единственную пищу составляли зерна злаков и в редких случаях доставался кусочек сушеного, твердого, как камень, мяса. Пили сырую болотную воду, дров для ее кипячения не было. Сиопа появлялась исчезнувший было в Сикане кровавый понос и тиф...»

Так они шли вперед.

Суровый революционер Браун не знал и, вероятно, не поверил бы, что, записывая лишь то, что видел, не прибавляя ни слова о своих собственных ощущениях, не претендуя ни на какое изящество слога, он в эти минуты становился художником. Читая эти скучные строки, мы начинаем понимать, что означало делать революцию в такой стране, как Китай, сколько героизма заложено в наряде, преданном Мао Цзэ-дуном.

Записки Брауна не просто политическая книга, это исторический документ. В течение ряда лет опытный немецкий революционер, целиком посвятивший себя делу китайской компартии, был «свидетелем века»: находясь вблизи Мао Цзэ-дуна, располагал возможностью день за днем наблюдать за тем, что происходило вокруг него. Его показания неопровержимы. Отмахнуться от таких свидетелей, как Браун и Владимиров, «великий кормчий» не может. Нет сомнения, что рано или поздно сообщения этих двух очевидцев будут дополнены множеством свидетельств самих китайских коммунистов, которым теперь еще приходится скрепя зубы молчать.

История никогда не забывает предъявить свой обвинительный акт (как и свою защитительную речь), хотя иногда с точки зрения современников и делает это с некоторым опозданием. Что бы ни произошло в будущем на Дальнем Востоке, трагедия, которую пережила и продолжает переживать китайская компартия, будет в свое время раскрыта от начала до конца.

Я думаю, что каждому заинтересованному в международной политике молодому человеку наших дней стоит не только прочесть, но и глубоко задуматься над книгой Отто Брауна.

Эрнст ГЕНРИ

УЧИТЕЛЬ

Если составить простой перечень имен, упомянутых в этой книге (Максим Рыльский. О поэзии. Статьи. Перевод с украинского. Составители Б. Рыльский и Т. Стах. М., «Советский писатель», 1974 г.), даже он может дать представление об энциклопедичности познаний и неисчерпаемости творческих интересов выдающегося поэта.

Книга объединила статьи разных лет, время их написания отчетливо сказало на содержащихся в них оценках литературных явлений, тональности изложения. И при всем том никакой пестроты — сборник отличен внутренней цельностью, монолитностью, единством пафоса, пронизывающего исследования и заметки. В книге живет, наполняет ее глубокое преклонение перед

чудом Поэзии, глубинная вера в могущество художественного слова, способного поднять на борьбу, утешить и вдохновить страждущих, проложить пути человеческого взаимопонимания. Эти критические страницы написаны романтиком — в том смысле, какой любил видеть в слове «романтик» сам Рыльский, говоря об особом мироощущении, состоянии души.

Собранные в книге статьи вышли из-под пера поэта, уже ставшего мастером литературы украинской, всей советской культуры. Но прислушаемся к авторским интонациям: и в слове о Пушкине, Шевченко, Мицкевиче и в заметке о творчестве молодого собрата — то же в первую очередь прочитываемое уважение к литературе, которой служат и гений и скромный талант. Книга лишена менторства, подчеркнутого учительства — и это один из многих преподанных ею уроков.

Есть темы, к которым неустанно обращался М. Рыльский в своем критическом творчестве. Он настойчиво искал все новые и новые доказательства того, что истинная поэзия глубоко народна. Нет, Максимом Фаддеевичем решительно отвергались узкие представления о народности литературы. Во многих местах сборника найдете вы мысль: не только поверхностная стилизация, но и использование литератором фольклорных сюжетов и форм еще не делают его творчество подлинно народным. Вся суть в том, удалось ли поэту выразить чаяния и устремления народа, провидеть и разделить его судьбу в решающие моменты истории. Отсюда: «Великие народные поэты говорят за свой народ, выступают от его имени, но высказывают мысли народа по-своему, своим голосом» («Тарас Шевченко»). Отсюда же: «Любовь Блока к жизни, любовь его к России — это пушкинская, Некрасовская любовь к народу» («Александр Блок»).

Статьи М. Рыльского написаны простым, строгим языком, отношение к предмету изложения всегда определению, круг введенных в обиход литературных понятий несма прivityчен для рядового, как принято говорить, читателя, но автор не случайно предостерегал против той простоты, что хуже воровства. Против наивной хрестоматизации Шевченко, которая может помешать читательскому проинкновению в его «мятежный и страстный дух», в самую душевную жизнь «гениального горемыки». Против «применения к Фрашко школьных схем и определений». Творчество выдающихся деятелей

литературы рассматривается с отчетливым пониманием его внутренних сложностей и противоречий, живой диалектики развития. Достаточно вспомнить анализ «Пана Тадеуша» — анализ блестящий и тонкий.

Максим Рыльский был интернационалистом по сути своей и духу, по характеру своего энциклопедического ума. Он неоднократно обращался к творчеству классиков русской литературы и современных русских поэтов, поэтов самых разных стран и народов как критик и как переводчик, общепризнанный мастер перевода. Он радовался каждой искре подлинной поэзии, где бы и когда бы она ни вспыхнула. Он с гневом и страстью восставал против любых проявлений национальной замкнутости, национального высокомерия. И ему же принадлежит высказывание: «Нельзя вместе с тем не заявить со всей решительностью, что поэт сильнее всего выражает себя тогда, когда пишет на родном языке».

Многогранное творчество М. Рыльского стало явлением отечественной культуры. А культура, ее проблемы — это то, что никогда не теряет своей актуальности. Об этом еще раз напомнил сборник статей поэта в переводе на русский язык, сборник, составленный продуманно, с пониманием мастера, всю жизнь вдохновлявшегося «бесценным даром» поэзии, писавшего о счастливых обладателях этого дара нежно и трепетно.

А. РУДЕНКО

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Василий АФОНИН. В деревне Юрга. Рассказы 2

Олег КУВАЕВ. Два рассказа: Надо курлыкать. Устремляясь в гибельные выси... 24

Алексей ДИДУРОВ. Санитар-полковник Петрович. Рассказ 36

Аркадий АДАМОВ. Петля. Роман. Окончание 40

ПОЭЗИЯ

Борис СЛУЦКИЙ. Отцы и сыновья. Текст и музыка. Самый старый долг. Александр Сергеевич. Перрон. Голосок на пляже 21

Юрий РЯШЕНЦЕВ. Ночь на берегу моря. Возвращение в Литву. Случайная встреча со старым другом 29 февраля на Касьяновы именины

Татьяна КУЗОВЛЕВА. «Теплый дождь—июльская улада...». «Земля просыпалась неспешно...». «Я не смею в сны твои проникнуть...». «О мое неуклюжее чадо...». «Приходит время новой сини...».

Алексей ПЬЯНОВ. Давай поговорим о кораблях. «Еще не тронут лед на речках...». «Уже нигде и никогда...». «Я знаю: легкая удача...»

Маро МАРКАРЯН. «Меня не слышишь ты...». «Придет весна, деревья зацветут...». «Кто знает...». «Быть может, иногда...». «Ты придешь с другой планеты...». Перевел с армянского Д. Самойлов

Вадим СИКОРСКИЙ. Потомкам. Накануне боя. «В когтях у чайки, перед смертью...». «Как ни сильно мое воображение...»

Михаил ПОЗДНЯЕВ. Ода кухонной полке. Царскосельское рисование

Флор ВАСИЛЬЕВ. «О Родина! Ты у меня одна...». «На луговине нежатся цветы...». «А поле спит давным-давно...». Перевели с удмуртского А. Жигулин и Т. Кузовлева

КРИТИКА

Иван КУПЦОВ. Рядом с художником (К нашей вкладке)

Вениамин КАВЕРИН. Молодой Зоценко (Встречи)

Эрнст ГЕНРИ. Причина предательства

А. РУДЕНКО. Учитель

ПУБЛИЦИСТИКА

Семен ГЕРШБЕРГ. И наступило утро...

Инна КОШЕЛЕВА. Выбор

Ф. АЛЕКСЕЕВ. Тюменская проба (На стендах «Юности»)

Дорога. Сибирская подшефная — глазами иностранцев

Николай ЧЕРКАШИН. Над океаном

Юлий ИКОННИКОВ. Поездна в прошлое

Откуда такое высокомерие?

ПИСЬМО АВГУСТА

СПОРТ

Владимир МАСЛАЧЕНКО. Я остаюсь в воротах

ЗАМЕТКИ

И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Л. ЯНОВСКАЯ. «Куда я, туда и он со своим тромбоном»

Четыре года спустя

В. БЕРЕНДЕЕВ. Бабушки за дизайн!

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Семен КОМИССАРЕНКО. Первое свидание

Мини-юм

Александр КУРЛЯНДСКИЙ. Левая нога

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

Редакционная коллегия:

А. Г. АЛЕКСИН,
22 В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. Н. ГОРЯЕВ,
А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),
34 Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),
35 К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,
В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
63 М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.

Художественный редактор
73 Ю. А. Цишевский.

Технический редактор
97 Л. К. Зябкина.

На 1—4-й стр. обложки
66 рисунок И. НЕЧАЕВА.

Адрес редакции:
78 101524, ГСП, Москва, К-6.
Улица Горького, № 32/1.
Телефон редакции 251-32-83.
84 Рукописи
не возвращаются.

Сдано в набор 28/V—1975 г.
92 А 05080.
97 Подп. к печ. 10/VII—1975 г.
101 Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Объем 12,18 усл. печ. л.
17,62 учетно-изд. л.
102 Тираж 2 600 000 экз.
Изд. № 1758. Заказ № 677.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
109 Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
110 125865, Москва, А-47, ГСП,
110 ул. «Правды», 24.

Цена 40 коп.

Индекс
71120

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

